

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. ГОРЬКИЙ, И. А. ГРУЗДЕВ,
Б. Л. ПАСТЕРНАК, В. М. САЯ-
НОВ, А. П. СЕЛИВАНОВСКИЙ,
П. С. ТИХОНОВ, Ю. И. ТЫНЯНОВ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь • 1 9 3 5

[Polonskii, Iakov Petrovich, 1819-1898]

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. М. ЭЙХЕНБАУМА

Проб. 50

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь • 1 9 3 5

ЗАКАВКАЗЬЕ

(1846—1851)

ПРОГУЛКА ПО ТИФЛИСУ

(Письмо к Льву Сергеевичу Пушкину)

Как полдень — так у нас стреляет пушка.
Покуда эхогул свой тяжко по горам
Разносит, молча вынимая
Часы, мы наблюдаем: стрелка часовая
Ушла или верна по солнечным часам?
Потом до двух — мы заняты делами;
Но так как все они решаются не нами,
Спокойно можем мы обедать — есть плоды
И жажду утолять, не трогая воды.
В собранье пусто: членов неперменных
Четыре человека каждый день
Встречать наскучило; читать газеты лень;
Журналы запоздали; нет — военных;
Все в экспедиции, — и там пока в горах,
Не дальше, может быть, как только в ста верстах,
Идет резня (Шамиль воюет),
Для нас решительно войны не существует.
После обеда мы играем роль богов,
И, неспособные заняться даже вздором,
Завесив окна коленкором,
Лежим...
Кто развалившись на диване,
Кто растянувшись на ковре...
Воображать себя заснувшим в геплой бане —
Приятно, потому что на дворе
Невыносимо жарко. — Мостовая,
Где из-под ног вчера скакала саранча,
Становится порядком горяча,

И жжет подошву. — Солнце, раскаляя
Слои окрестных скал, изволит наконец
Так натопить Тифлис, что еле дышишь,
Все видишь не глядя и слушая не слышишь;
Когда-то ночь придет! — дождемся ли, творец! —
Вот ночь не ночь — а все же наконец
Пора очнуться. — Тихий, благодатный
Нисходит вечер, час весьма благоприятный
Для той прогулки, от которой ждуть
Отрады — первая в Тифлисе благодать.

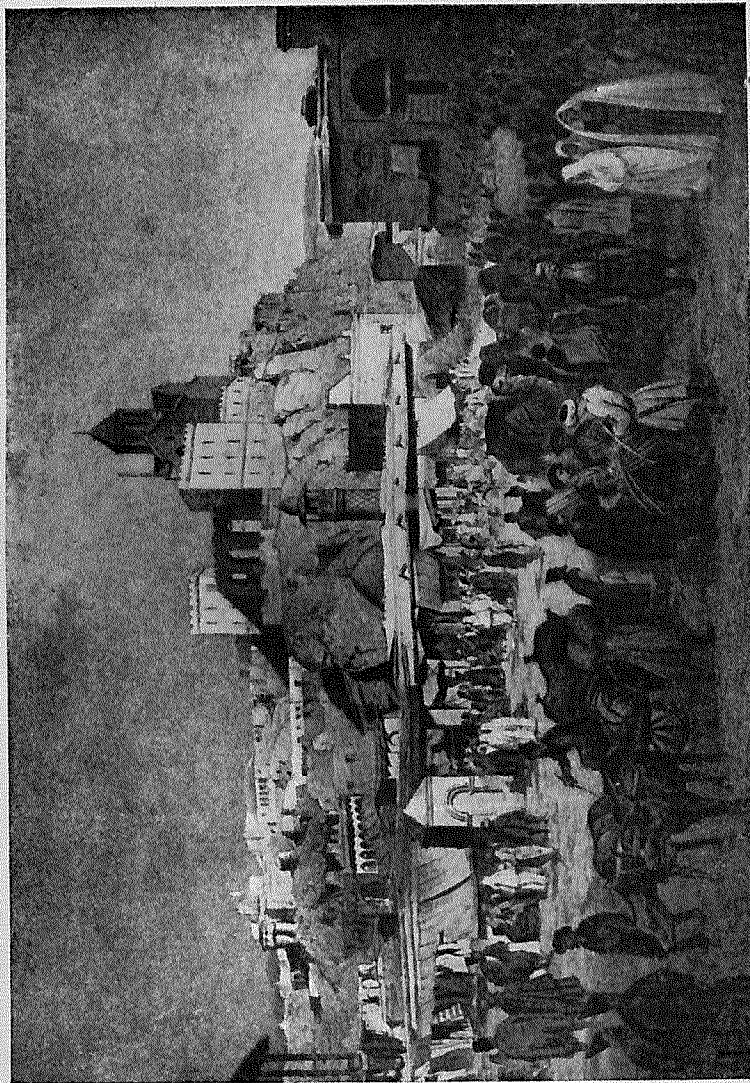
Куда ж итти? Иду через Мухранский
Овражный мост, и прямо на Армянский
Базар являюсь — там народ,
Поднявшись на заре, для дел, нужды и лени,
На узких тротуарах ищет тени,
Гуляет, спит, работает и пьет. —
Народ особенный! Я здесь люблю толкаться —
И молча наблюдать — и молча любоваться
Картинами, каких, конечно, никогда
Мне прежде видеть не случалось;
Их не видать — невелика беда,
Но видеть весело, пока не стосковалась
Душа по тем степям, которых вид один
Бывало наводил тоску и даже сплин.
Но... я не знаю что, привычка, может статься —
Бродя в толпе, на лицах различать
Следы разврата — бедности безгласной
Или корысти слишком ясной,
Невежества угрюмую печать,
Убавила во мне тот жар напрасный,
С которым некогда я рад был вопрошать
Последнего из всех забытых нами братьев.
Я знаю, что нужда не в силах разделять
Ни чувств насыщенных, ни развитых понятий,
Что наша связь давно разорвана с толпой,
Что лучшие мечты — источники страданья,
Для благородных душ остались мечтой...
Итак, чтоб не входить в бесплодные мечтанья,
Я поскорей примусь за описание.

*мост
Барабаново
Тифлис
и лопуш
Вахтанг
Торасов*

С чего начать?!.. Представьте, я брожу
 По улицам — а где, — и сам не знаю,
 Тифлис (оригинальным назожу;
 По крайней мере, не скучаю, —
 Представьте, наконец — я в улицу вхожу
 Кривую, тесную — по старыми домами
 Направо и налево лабок ряд —
 Вот караван-сарай, восточными коврами
 Увешан пыльный вход, узоры их пестрят —
 Но я иду от них сквозными воротами,
 На низкий дворик, усталанный плитами,
 С бассейном без воды, и слышу, как шумит
 Волна в Куре, — куда она спешит,
 Неугомонная, живая?..
 Не знает, что вдали от этих берегов
 Ей не видать других цветущих городов,
 Как не видать земного рая!
 Что никогда, оттуда, где шумят
 Каспийские валы, гнилой камыш качая,
 К решеткам караван-сарая
 Не воротится ей назад!
 Спешу на улицу — и вижу виноград
 Висит тяжелыми, лиловыми кистями,
 Поспел — купите фунт — бакальщик рад...
 Вот перец и миндаль, а вон табак турецкий
 Насыпан кучами, — кальяны, — чубуки, —
 Кинжалы, — канаус, — бумажные платки,
 Товар персидский и замоскворецкий!
 Дешевый все товар из самых дорогих!

Иду я дальше; множество портных
 Сидят на низеньких подмостках в меховых
 Остроконечных шапках, рукава утюжат,
 Обводят обшлага черкески заказной
 Иль праздничной чухи¹ тесьмою золотой,
 Усердно шьют — и мне усердно служат:
 Из медных утюгов огонь я достаю,
 Чтоб тут же закурить потухшую мою

¹ Чуха — грузинский кафтан с откидными рукавами. [Прим. автора.]

Сигару — здесь курить начальство позволяет;
Пожаров никогда в Тифлисе не бывает,
В Тифлисе просто нечему гореть,
Здесь только можно загореть,
Что, вероятно, всякий знает. —
Вот, вижу я, цырюльня, у дверей
Круглится голова, поджав босые ноги,
Сидит благочестивый на пороге
Татарин, голову его бородобрей
Нагнул поближе к свету, — выбрил — поскорей
Тряпицей вытер — и к окошку
Сушить повесил грязную² ветошку. —
Чего ж вам больше!.. Вот кофейня, два купца —
Два персианца играют молча в шашки,
Хозяин смотрит, сумрачный с лица —
А между тем бичо¹ перемѣняет чашки.
В пяти шагах желая аппетит
Свой утолить у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины из деревни,
Котлы кипят — горячий пар валит —
Лепешек масляных еще дымятся глыбы,
Кувшин с вином под лавкою стоит,
А с потолка висят хвосты копченой рыбы.
Вот, на полу какой-то кладовой
(Вы здешние дома, конечно, не забыли),
Два армянина, завязав от пыли
Глаза платком, натянутой струной
Перебивают шерсть. Насупротив, — у лавки,
Где как-то меньше толкотни и давки,
Уселся на скамье худой, невзрачный жид
И на станке тесьму и позументы *се*
Прилежно ткет, за ним, на сундуке,
Откинув рукава, сидит в архалуке *Семина*
Меняла, в сладостной надежде на проценты! —

Но вот, базар еще теснее —
Разноплеменная толпа еще пестрее.
Я слышу скрип и шум и крики — хабарда!²

¹ Б и ч о — по-грузински — мальчик.

² Х а б а р д а — берегись! [Примечания автора.]

Вот нищий подошел ко мне, склонясь на посох,
Вот Суйволы идут, рога свои склоняя;
Тяжелая арба скрипит на двух колесах; —
Вот скачет конь, упрямого коня
Стегает плеть, налево, с бурдюками,
Знать, из Кахетии с вином,
Досчатый воз плетется, и на нем
Торчит возница с красными усами ¹.
А вон ослы вразброд идут,
В кошёлках уголья несут
И машут длинными ушами;
На одного из них уселись верхом
В лохмотьях два полунагих ребенка,
А третий сзади глупого осленка
Немилосердно бьет хлыстом...

→ Тифлис для живописца есть находка, —
Вагляните, например: изорванный чекмень,
Башлык, нагая грудь, беспечная походка,
В чертах лица задумчивая лень,
Кинжал — и странное в глазах ошевеленье!
Вот, например, живое воплощенье
Труда — муша ² по улице идет;
Огромный шкаф, перекрестив ремнями,
Он на спину завалил и медленно несет,
Согнувшись в угол, пот ручьями
По загорелому лицу его течет,
Он исподлобья смотрит и дает
Дорогу... Не могу дорисовать картины! —
Представьте, что в глазах мешаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины,
Татары — наконец, я слышу крик муллы —
И наконец, под минаретом,
Свожу знакомство с новым светом —
И чувствую, что на чужом пиру...
Налево мост идет через Куру,

¹ На Востоке есть обычай красить себе бороду и усы.
² Муша — носильщик. [Примечания автора.]

Майдан

А вон крутой подъем к заставе Эриванской;
Вот, вижу, караван подходит шемаханский;
Как великан идет передовой верблюду,
За ним гуськом его товарищи идут
Раздули ноздри и глядят спесиво;
Их шеи длинные навтыяжку стоят,
На них бубенчики нестройные звенят;
С горбов висит космами грива;
Огромные туки качая на спине,
Рабы Востока — тяжестию ноши
Гордятся и блаженствуют вполне;
А я глотаю пыль — иду — и в стороне
Вдруг слышу — деревянные подкoshi, ¹
Стучат — идет татарка в белой простыне,
Толпа грузинских жен спешит укрыться в бане,
А я спешу назад — спешу куда-нибудь,
Чтоб только чистым воздухомдохнуть,
Что невозможно на Майдане. ²
Где я, — творец! — какие там сидят
Фигуры на стенах! — перебирают четки, —
И неподвижно вниз глядят; —
Внизу овраг — на дне его шумят
Горячие ключи. — Неужели назад
Итти?.. Ого! над самой головою
Я слышу разговор, а может быть и брань —
Но... пусть бранят! — теперь передо мною
Открылся чудный вид. — Отсюда, из-за бань
Мне виден замок за Курю...
И мнится мне, что каменный карниз
Крутого берега, с нависшими домами,
С балконами, решетками, столбами —
Как декорация в волшебный бенефис,
Роскошно освещен бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я — за синими горами
Заря, как жертвенник, пылает — и Тифлис
Приветствует прощальными лучами.
О, как блистательно проходит этот час!
Великолепная для непривычных глаз

¹ Подкoshi — башмаки без задков.
² Майдан — базарная площадь. [Примечания автора.]

Картина! Вспомните всю массу этих зданий,
Всю эту смесь развалин без преданий —
Домов, построенных, быть может, из руин —
Садов, опутанных ветвями винограда,
И этих куполов, которых вид один
Напомнит вам предместья Цареграда,
И согласитесь, что нарисовать
Тифлис не моему перу. — К тому ж, признаться,
Мне самому пришлось не долго любоваться; —
Я как-то вдумал догадаться,
Что на чужом дворе невыгодно стоять:
Где улица, где двор, в иных местах Тифлиса
Не разберешь...

Но вот уж сумерки сгущаются в глуши
Садов — и застилают переулки;
В глухие, дальние забрел я закоулки —
И ни одной мужской души!
Вот женщина вошла на низенькую кровлю;
Вдали звучит протяжная зурна —
Как видно, здесь крикливую торговлю
Семейная сменила тишина.
Вот у калитки две старухи...
Сошлись и шепчутся и городские слухи
Передают друг другу. Вон скамья
Стоит никем не занятая,
Меж тем как на земле почтенная семья
Сидит, беспечно отдыхая...

Не стану женщин вам описывать наряд,
Их легкое, как воздух, покрывало,
Косицы черные и любопытный взгляд,
В котором много блеску, жизни мало...
Повсюду я спешу ловить
Рой самых свежих впечатлений;
Но признаюсь вам, — надо жить
В Тифлисе — наблюдать — любить —
И ненавидеть, чтоб судить
Или дожидаться вдохновений...

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько певелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Послушай, убежим!
«Мы будем птицы вольные —
«Забудем гордый свет...
«Где нет людей прощающих,
«Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

ГРУЗИНКА

Вчера грузинку ты увидел в первый раз
На кровле, устланной коврами,
Она была в шелку и в галунах, и газ
Прозрачный вился за плечами.

из Петербурга и других проходимцы всех стран. Шашлык и пилав, которыми мы прежде довольствовались в открытых лавках армянского бабара и куханах города, весело запивая их кахетинским вином из бурдюков, заменились более изысканной, на французский лад, кухней, на первое время в скромно устроенных помещениях, превратившихся впоследствии в роскошные рестораны. Явилось значительное количество рессорных экипажей из Одессы и Вены, богатые упряжи; верхом, как прежде, уже не делались визиты. На квартирах сгоревшая базарная мебель, с неизменными, покрытыми коврами, тахтами (диванами), с бархатными мутаками (подушками), заменялась мебелью из Одессы, а потом приобретаемой и в Тифлисе роскошной мебелью; нанаусовые занавеси уступили место шелковым занавескам; дома перестраивались; салацкие сады Тифлиса с западно вырубались, плоские крыши домов, на которых так было слышно, по вакате солнца, раздавались по всему Тифлису звуки зурны и пляски грузинок, с постройкой новых этажей, заменялись черепичными и железными крышами. На левом берегу Куры образовались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего, предместий Куки и Авлабар.

ПРОГУЛКА ПО ТИФЛИСУ (1846)

Впервые — в сборнике «Савандар» (Тифлис, 1849 г.), стр. 41, с подзаголовком: «Письмо к Л. С. П-ши-ну 1846 года».

Стихотворение написано в виде письма к брату А. С. Пушкина, Льву Сергеевичу, с которым Полонский познакомился в Одессе.

В параллель к этому «письму» можно поставить незаконченный очерк Полонского «Тифлис на лицо и на изнанку» («Закавказский вестник» 1850 г.), начинавшийся так: «Помню, какое тяжелое, безотчетно-неприятное впечатление произвел на меня серо-каменный Тифлис, когда я впервые въезжал в него, — это было в июньский полдень — и живо помню, как вечером, в тот же день, я не мог налюбоваться им».

К строке «Мне виден замок за Курою» в «Савандаре» было примечание: «Метех — небольшое укрепление, построенное при главнокомандующем в Грузии А. П. Ермолове. — Метех стоит над Курою, на краю береговой скалы, и господствует над городом. — В начале семнадцатого столетия здесь был дворец царя Арчила, им покинутый и потом занятый турками».

ЗАТВОРНИЦА (1846)

Впервые — в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (М., 1847, стр. 261), с вариантами.

Ст. 19: Об обществе, об музыке

Вместо ст. 25—32:

Теперь мы птицы вольные...

Меня не стерегут;

А ты? Ведь ты не женщина —

Тебя не проклянут...

